

Рейегар не испытывал большого прилива гордости, когда осматривал Армию Мира. Несмотря на его работу за последний год, факт оставался фактом: единственной частью армии, на которую он мог по-настоящему положиться, были его собственные изгнанники; верных людей, которые следовали за ним через море, а не служили Узурпатору или его молодому брату. Из остальных более половины составляли набранные граждане города Мир и его городов-спутников, люди, которые не только предпочли бы вернуться в свои дома, чем столкнуться с разгневанными незнакомцами на далеком поле, но и люди, которые считали профессию воина недостойной. их. Безусловно, у Мира было достаточно храбрецов и множество молодых людей, которые играли роль, какую им вздумается, но, если не считать дуэлей для защиты чести своего дома, ни один настоящий мирийский аристократ не помышлял бы идти за солдатом, кроме как в крайнем случае. Ведение войн было работой наемников, а не дворян, согласно образу мышления Эссоси. Говоря о наемниках, почти треть армии Рейегара состояла из них, и это заставило его нервничать. Он не сомневался, что они будут соблюдать свой контракт; наемник, нарушивший контракт, в конце концов, был наемником, которого никто не стал бы нанимать. Но они были дорогими и вряд ли выдерживали экстремальные нагрузки. Если его сундуки опустеют или Узурпатор победит их, вполне вероятно, что они воспользуются оговоркой о побеге в своем контракте и дезертируют. Как они указывали, в их контракте было указано только то, что они будут сражаться под командованием Мира. В нем ничего не говорилось о борьбе насмерть за безнадежное дело. И если Рейегар пропустит три дня зарплаты подряд, то это будет достаточной причиной для разрыва контракта и поиска работы в другом месте.

Рейегар выбросил из головы свои заботы и посмотрел на неглубокую долину. У него было достаточно проблем, чтобы не занимать больше.

На другом конце долины рота «Закат» пышно выстроилась, ее ряды сияли солнечным светом позднего лета на наконечниках копий и были увешаны знаменами. Конечно, многие из них были из мятежных домов, но было и несколько человек из Предела, группа людей под золотым кракеном Грейджоев и целая дивизия, развевающаяся под западными знаменами под львиной яростью Ланнистеров. У Рейгара закипела кровь при виде знамен со львами. Предатели. Убийцы. Клятвопреступники. Он подавил нарастающую ярость сжатой челюстью и тонкими губами. Для него было бы неприлично разглагольствовать и гневаться на публике, как бы приятно это ни было. Теперь его жена и дети будут отомщены достаточно скоро.

Но одно зная, развевавшееся над коронованным оленем в центре, разозлило его еще больше, чем зная Ланнистеров; закат с отрубленной головой дракона, насаженной на черный меч. Не может быть более ясного заявления о намерениях со стороны Баратеона.

Рейегар совладал со своим гневом и обдумывал план в голове. Это было действительно просто. Маршируйте армию вперед, пока арбалеты не окажутся в пределах досягаемости, а затем пусть арбалеты обстреливают повстанцев. Если повстанцы готовы к расстрелу, тем лучше. Если они продвинутся, то Рейегар сможет обвинить их в своих изгнанниках и трех отрядах наемников, нанятых его добрым отцом: Длинных Копьях, Буревестниках и Отряде Кота. Чуть более четырех тысяч всадников должно хватить, чтобы справиться с мятежными рыцарями. А если дело дошло до всеобщей драки. . . Рейегар улыбнулся этой мысли. Страх сделал бы дикарями даже самых сопротивляющихся мирменцев, а его армия превосходила роту Заката численностью в два раза. Все остальное в сторону, цифры сказали.

XXX

Джейкегон Валреос, «Джейс» для своих друзей, не особенно хотел быть арбалетчиком.

Однако, когда Конклав Магистров постановил, что каждый взрослый гражданин мужского пола должен научиться обращаться с арбалетом или копьем и проводить с ним не менее одного дня из семи, единственное, что оставалось сделать, это выбрать, что он предпочитает. Тем более, что андалские рыцари, назначенные ответственными за программу обучения, ясно дали понять, что любой, кто уклонится от своих новых обязанностей, будет глубоко сожалеть об этом, как и любой, кто им в этом поможет.

Джейс никогда не был особенно крупным мужчиной, и годы работы клерком в судоходном бизнесе своего двоюродного деда не сделали ничего, чтобы улучшить его телосложение. Итак, он решил стать арбалетчиком; новые арбалеты с журавлиной рукояткой почти не требовали грубой силы, необходимой копейщику, и, если повезет, враг будет на безопасном расстоянии, когда Джейс убьет их. Не то чтобы он был малодушен, просто благоразумен; логически говоря, любой человек, которого он пытался убить, скорее всего обиделся и почти наверняка был бы намного лучше в рукопашном физическом насилии, чем Джейс. Пусть андалские безумцы развлекаются, вырезая врагу кишки кинжалами; если Джейс собирался рискнуть своей личной, драгоценной шкурой на поле боя, тогда он держался бы подальше от любых рукопашных схваток и убивал врага с достаточного расстояния, чтобы они не могли убить его в ответ.

Во всяком случае, так думал Джейс. Когда он явился на тренировку, никто не сказал ему, что арбалетчики будут первыми, кого отправят против врага.

Когда арбалетчикам был отдан приказ наступать, первым побуждением Джейса было сказать сержанту, чтобы тот отвалил; Все боги свидетели того, что у Джейкегона Валреоса не было никакого желания идти навстречу стае разгневанных иностранцев, которым ничего не стоило убить его изобретательно болезненными способами. Однако несколько вещей остановили его. Во-первых, сержант, бывший наемник со множеством шрамов, которые были столь же впечатляющими, сколь и тревожными, был в два раза больше его и не имел бы никаких проблем с соблюдением закона против неповиновения приказам голыми руками, если бы Джейс доставил какие-либо проблемы. Во-вторых, все вокруг него начали маршировать вперед, что и увлекло Джейса, и сделало бы любую попытку симуляции мгновенно заметной. В-третьих, в то время как иностранцы могли убить его, андалы непременно убьют его, если он проявит то, что сир Аллисер Торн с хриплым голосом, зачитавший им Статью войны, назвал «трусостью перед лицом врага».

В-четвертых, и наконец, врагом была не просто стая иностранцев. Это была компания «Сансет», иностранцы, которые помогли проклятому Браавосу (он автоматически подумал это имя в резком голосе своего двоюродного деда, за которым последовал хриплый слизнюк, когда старик вспомнил различные обиды и унижения) завоевать Пентос и свергнуть рабство. . Ветвь Джейса в семье Валреос не была достаточно богата, чтобы владеть большим количеством рабов, ничего похожего на орды магистров, нанятых в мастерских квартала ремесленников или на полях своих загородных поместий, но у них была кухарка и повар. экономка, а также горничная его матери и медсестра, которая заботилась о Джейсе и его младших сестрах. Джейс слышал рассказы о рабах, с которыми жестоко обращались их хозяева, и это правда, что, когда экономка попыталась скрыться, его отец заставил констеблей нанести ей на лицо клеймо беглеца «Р», но в целом он видел нет ничего плохого в рабстве как институте. Он действительно считал, что хозяин, который должен был обеспечивать дисциплину цепями и плетью, был плохим хозяином, но в целом он считал, что рабство - это то, каким должен быть мир, и что и хозяин, и раб получают выгоду. Хозяин получал услуги раба, а взамен раба кормили, одевали и приютили, и он мог быть вознагражден за образцовую службу. Но андалы по какой-то безумной причине считали рабство предметом своей веры, что рабство не просто неправильно, а отвратительно, и что те, у кого есть рабы, — враги, которых нужно убить на

месте.

Джейс, естественно, не был человеком крови, и он разделял легкое презрение к таким людям, характерное для буржуазии и аристократов Вольных Городов, но он, безусловно, будет сражаться до смерти, чтобы защитить свой дом, своих родителей и своих сестер.

Поэтому он двинулся вперед с шестью тысячами других молодых мирцев в неглубокую долину, которая отделяла Армию Мира от роты Заката. Арбалет с железным журавлем в руках был тяжел и неуклюж, колчан с шестьюдесятью болтами раздражающе подпрыгивал на бедре, короткий фальшион на другом бедре грозил запутать ноги и споткнуться, а стеганный жилет и круглый полушлем, хотя его единственная броня слишком хорошо справлялась с жарой ясного и безоблачного дня, но он и другие арбалетчики все еще трусили вниз по склону в добром сердце, а некоторые даже шутили о том, чтобы пойти на прогулку. Джейс просто сосредоточился на том, чтобы идти вперед и игнорировать нервозность, которая накапливалась в его кишках из-за того, что он идет к большой группе вооруженных и опасных незнакомцев, но он признал, что разрозненные шутки помогли ему успокоиться.

— Успокойтесь, мальчики, — успокаивающе позвал сержант. «Не забегай вперед, держись в строю. Просто оставайтесь вместе сейчас».

Арбалетчики продолжали наступать, неуклонно отдаляясь от своей армии. Они были еще почти в сотне ярдов от пределов досягаемости, когда вдоль дальнего хребта послышалось какое-то движение.

— Спокойно, мальчики, — крикнул сержант с ноткой напряжения в голосе. — Держись, это всего лишь их лучники, не о чем беспокоиться. Джейс хотел бы возразить, но знал, что лучше не пытаться возразить сержанту.

По дальнему хребту снова прокатилась рябь.

-- Спокойнее, мальчики, спокойнее, -- крикнул сержант, и тут послышался шум, словно ужасно расстроенную струну арфы передергивали очень плохо, так что нота была плоской и расплывчатой, и от дальнего гребня поднялась полоса тьмы. Челюсть Джейса невольно отвисла; враг уже стрелял по ним?! Но они все еще были в десятках ярдов от пределов досягаемости! Черт возьми, это было несправедливо! Джейс внезапно с ужасом осознал, что суматоха в его животе усилилась. Он сжал челюсть, чтобы его не стошнило.

«Спокойно, мальчики!» — завопил сержант, когда раздалось еще одно небрежное передергивание расстроенной струны арфы, и с хребта поднялась еще одна полоса тьмы. Джейс вздрогнул, даже когда его ноги понесли его вперед, почти против его воли. Вражеские лучники снова стреляли? Но их первый залп был еще в воздухе! И он мчался вперед с внезапной ужасающей ясностью, направляясь прямо к Джейкегону Валреосу, единственному сыну Галемона и Дженыры Валреос. Смятение в его внутренностях достигло новых высот при мысли о том, что на его личную, драгоценную и незаменимую голову обрушится дерево с железным наконечником, и лишь несколько сантиметров железа предотвратят попадание наконечников стрел в его череп.

Джейсу вдруг захотелось, очень сильно, вернуться домой; желательно в «Танцующей лани» с бокалом хорошего вина и самой лучшей девушкой в доме на всю ночь. Хотя он согласился бы и на то, чтобы в одиночку вести подсчет запасов на самом большом складе своего двоюродного деда. Все, что угодно, лишь бы уйти от железного дождя, который с шипением шел на него.

«Воспринимайте это по-мужски, мальчики!» — взревел сержант, и стрелы попали.

Всего в тот день на поле Тары под знаменами роты Заката стояло две тысячи восемьсот семь лучников. Каждый из них натянул длинный лук из тиса, ясеня или вяза, самый легкий из которых имел натяжение в девяносто пять фунтов и мог дальнобойнее мирийских арбалетов примерно на сто ярдов. Эти люди были в своем роде такими же высококвалифицированными экспертами, как и рыцари роты; как говорится: "Чтобы стать хорошим лучником, начни с его дедушки". Однако истинное преимущество, которое давало это обучение, заключалось не только в силе или дальности стрельбы из лука.

Дело было в их скорострельности.

Принято считать, что для того, чтобы быть полезным на поле боя, лучник должен быть в состоянии выпустить десять стрел за одну минуту, что почти в три раза превышает скорость стрельбы, которую можно было ожидать от арбалета-журавля, такого как Армия Мира. . Две тысячи восемьсот семь лучников, выпускавших по десять стрел в минуту, давали ливень со скоростью двадцать восемь тысяч семьдесят стрел в минуту, или четыреста шестьдесят восемь стрел в секунду .

В первую минуту битвы при Таре лучники роты заката выпустили достаточно стрел, чтобы убить каждого арбалетчика в Армии Мира почти пять раз.

Конечно, не все эти стрелы попали. Стрельба ради эффекта жертвует точностью ради объема огня, особенно на дальних дистанциях. Почти треть стрел попала только в грязь. Из остальных примерно каждый шестой попал в броню или снаряжение и был либо поглощен, либо отброшен. Остальные попали во что-то более важное.

Вокруг Джейса раздались крики, когда стрелы попали в цель. Человек рядом с ним, который посмотрел на падающие стрелы, получил дротик прямо в глазное яблоко и рухнул, как марионетка с перерезанными нитями. Другой получил две стрелы через стеганный жилет и упал на колени, чтобы задушить свою жизнь в кровавой подагре. Другой с воем упал на землю, пытаясь выжать боль из пронзенного бедра. Еще один, простреленный в пах, казалось, кричал, не переводя дыхания.

Джейса вырвало в ответ, и он продолжал брести вперед, сгорбившись, как человек, идущий навстречу сильному ветру, пытаясь закрыться от всего, кроме сержанта, который теперь ревел, чтобы его слышали сквозь крики раненых.

Второй залп был хуже

Мирийские арбалетчики оказались в пределах досягаемости позиций роты «Закат» и даже нашли в себе смелость дать собственный залп, прежде чем они, наконец, сломались и побежали обратно к своим позициям. Хотя люди из отряда «Закат» или те, кто оставил записи, почти повсеместно относились к эссоси с презрением, храбрость мирийских арбалетчиков в Таре завоевала уважение даже у самых шовинистически настроенных вестеросцев, в то время как более умеренные комментаторы выражали более открытое восхищение. Герион Ланнистер в своем дневнике закончил свой рассказ о мирийских арбалетчиках, процитировав отрывок из популярного песенника о завоевании Дорна, в котором комментируется сир Утер Дейн, который был Мечом утра во время завоевания; — Он мог бы быть таким вассалом, если бы служил лучшему лорду.

Рейегар смотрел, как его арбалетчики устремляются назад к позициям армии, и рычал. Он должен был догадаться, что Узурпатор позаботится о том, чтобы у него было много лучников. Он бы дорого заплатил, чтобы иметь таких людей в своем распоряжении, но Вольные Города

производили военных лучников не больше, чем рыцарей. Любой человек, у которого было достаточно средств для приобретения лука и свободного времени для тренировок с ним, мог так же легко купить арбалет, особенно в Море, где рабы-ремесленники изготавливали их тысячами, а арбалетами было гораздо легче овладеть.

Холод предвкушения пробрал его до костей, когда он повернулся к своим Королевским гвардейцам. Сир Аллисер Торн и сир Лотор Брюн, их новые члены, почти трещат по швам от яростной гордости. Сир Освелл Уэнт, его обычно сардоническая ухмылка отсутствовала, когда он ответил взглядом своего короля. И сир Артур Дейн, его самый близкий друг во всем мире и его самый яростный защитник, с его темно-синими глазами, торжествующими из-под шлема.

— Джентльмены, — сказал Рейгар, — пора. К своим постам». Сир Аллисер и сир Лотор с лязгом сняли кулаки в перчатках с нагрудников и поскакали на свои места во главе мирийских копейщиков. Сир Освелл и сир Артур заняли свои позиции по обе стороны от Рейгара, Артур справа от него, а Освелл слева. Рейгар повернулся к своему трубачу. «Протрубите вперед», — приказал он. Трубач кивнул, поднес инструмент к губам и затрубил, длинные восходящие ноты раскололи воздух. Рейгар вытащил свой меч и нацелил его на роту Сансет. "Вперед!" — закричал он, стараясь, чтобы его голос звучал так далеко, как только мог. "Вперед! Огонь и кровь!"

Армия Мира катилась вниз по холму, ее линия быстро становилась неровной, когда пехота роты Кота начала опережать мирийских копейщиков. Не то чтобы мирменцы намеренно отставали, а за ними стояли сторонники Рейгара, но рота Кота больше привыкла маневрировать как единое целое; до сих пор мирменцы практиковались в маневрировании только сотенными отрядами. Справа ехали пятьсот всадников «Буревестников» во главе с тремя капитанами; Саллор Лысый со шрамом, искривленным задумчивым хмурым взглядом, Прендаль-на-Гезн, чье широкое лицо было столь же спокойным, как у короля, едущего на совет, и Даарио Нахарис, скручивающий свои накрашенные золотом усы между пальцами в перчатке. На левом фланге ехали Длинные Копья, восемьсот лучших копейщиков Эссоса, хотя они и были в более легких доспехах, чем андальские рыцари, во главе с их невзрачным капитаном Гило Риганом. За линией фронта ехала кавалерия роты Кота во главе с массивной фигурой их капитана Кровоборода, его знаменитая рыжая борода торчала над нагрудником, и сторонники Рейгара, во главе которых стояла худощавая фигура их короля в черных доспехах, окруженная его Королевская гвардия.

Когда они маршировали вниз по склону в долину, поглощая на своем пути отступающих арбалетчиков, они вошли в зону, где лучники роты «Сансет» расстреляли арбалетчиков в ключья. Стрелы взлетают и снова падают, но мирменцы и наемники подняли щиты и побрели дальше; если мирмены не в восторге от смерти вдали от дома от рук разгневанных незнакомцев, они знают, что отступить без приказа — значит умереть, и их щиты защищают их достаточно хорошо, чтобы позволить им продолжать. Что касается пехоты наемников, то они и раньше шли через поля умирающих людей и сталкивались с ливнями стального дождя; принять наказание и идти дальше было их работой и их гордостью.

XXX

Уилл Сарры, лучник из Предела, выругался, когда его ищущие пальцы не нашли ничего, кроме пустого колчана. — Я вышел, — сказал он человеку позади него, снимая тетиву с лука. — Ваша очередь, сир рыцарь, и удачи вам. Сир Бэзил Грейвс, чья семья владела деревней, где Уилл жил до того, как отправился за наемным мечом, хмыкнул в знак признательности и двинулся вперед, подняв секиру так, что острое было выставлено вперед, а острое молота с шипом на обухе могло сломать череп человека. шлем был задвинут за левое ухо. Уилл протиснулся

сквозь строй, миновав оруженосца сира Андрея и копейщика из Биттербриджа, который бормотал молитвы себе под нос, прежде чем добраться до тыла, где он потянулся назад через левое плечо и вытащил булаву из петель для переноски. Кувалда была довольно грубой, поскольку представляла собой стальной наконечник молота, закрепленный на четырехфутовой рукояти, но с огромной силой лучника за ней он мог разбить рыцаря вдребезги. Уилл уперся плечом в спину копейщика, помолился и стал ждать удара.

На протяжении всей линии сцена повторялась; у лучников закончились стрелы, и они отступили сквозь строй, в то время как рыцари и латники двинулись вперед со своими оруженосцами и пехотой сразу за ними. Штурмовики и пехотинцы Севера держали левый фланг, а валеменцы и пехота Западных земель стояли справа. На левом крыле была конница Севера, Эддард Старк во главе с хищным взглядом в глазах при виде драконьих знамен. На правом крыле стояли рыцари и воины Вестерландов, Джейме Ланнистер в первом ряду, а слева от него громадный Грегор Клиган. В тылу ждали речные жители и железнорожденные, ожидая приказа Бриндена Талли, который отправит их в бой. Передний ряд был усеян чемпионами компании «Сансет». Леобальд Талхарт, Мейдж Мормонт и ее дочь Дейси, а также Грейтджон Амбер стояли во главе северян. Сир Клиффорд Суонн, угрюмый сир Брюс Баклер и сир Уиллам «Серебряный топор» Фелл со своим знаменитым топором вели штурмовиков, а Роберт Баратеон стоял в центре строя. В первых рядах валеменов стояли сир Юстас Хантер, сир Лин Корбрей и степенно-элегантный сир Мишель Эген, а во главе западных людей стояли сир Лайл Кракхолл, сир Тайгетт Ланнистер и широкоусый сир Элис Вестерлинг.

Эти люди были одними из самых смертоносных убийц в мире, как индивидуально, так и коллективно. Они были отвлечены завоеванием Пентоса, но теперь их враг был перед ними. Клятвы мести, которые они дали в Вестеросе, вспыхнули в их головах при виде драконьих знамен, и даже жители Запада, мало заботившиеся о том, что правильно, а что нет, заразились гневом, охватившим Компанию. Северяне уже скандировали «В атаку! Обвинение!» а северная лошадь и западные рыцари бежали вперед.

Роберт Баратеон почувствовал, как ярость, которая была наследием его родословной, разлилась по его венам, как огонь. Мужчина, нет, паразит, который похитил, изнасиловал и убил его невесту и выбросил ее тело в море, как будто перед ним лежала куча мусора. Теперь, во имя богов, он отомстит. Он поднял свой огромный молот над головой. "НА НИХ!" — взревел он, позволив молоту упасть на врага. «ПРАВОСУДИЕ И МЕСТЬ!»

Рота ревела, как буря, разбивающаяся о скалы залива кораблекрушения, когда они мчались вперед.

Первоначальное столкновение роты Заката и Армии Мира было ужасным по всем отзывам. Не кто иной, как сир Бринден Талли, в своих мемуарах утверждал, что битва при Таре «была более ожесточенной, чем любая битва, в которой я когда-либо участвовал до того времени, и во всем моем более позднем опыте она была сравнима, но никогда не превзойдена по свирепости». ». Септон Джонотор в письме своему коллеге из Королевской Гавани писал: «Я никогда не видел, чтобы люди овладевали такой яростью, как в Таре. Я могу только представить, что Воин, увидев, что мы сражаемся с работоторговцами, решил помочь нашему оружию и наделил нас своим гневом.

Какой бы ни была причина ожесточенности боя, первоначальное столкновение пошло в пользу компании «Сансет»; справа от них рота Кота была остановлена как вкопанная, в то время как слева мирийские копейщики фактически были отброшены вниз по склону холма, а сир Лотор Брюн из Королевской гвардии был убит во время битвы сиром Брусом. Баклер. Однако прорыв был быстро остановлен. Сир Аллисер Торн сплотил свою битву против северян, убив Леобальда

Талхарта и оттеснив его роту примерно на двадцать ярдов, согласно истории битвы мастера Аллераса, в то время как сам Рейгар отправил своих изгнанников в бой. На другой стороне битвы Кровобород бросил в бой свою кавалерию и загнал правую роту Сансет в безвыходное положение.

К счастью для роты «Сансет», Роберту хватило ума поставить свои резервы под командование, возможно, лучшего командира на всем поле боя. . .

Бринден Талли остановился рядом с Виктарионом Грейджоем. — Твои ребята готовы идти, Грейджой? — хрипло спросил он.

— Да, это так, — ответил Виктарион, проводя большим пальцем перчатки по лезвию топора. — Они отчаянно нуждались в настоящей драке со времен Пентоса, не так ли, ребята?

Это последнее было передано девятистам разбойникам позади него, которые ответили смехом и освистыванием, включая одного парня, который утверждал, что хороший бой был не единственным, в чем он отчаянно нуждался, и что в его состоянии даже мирец делать.

«Мы тоже идем», — раздался гортанный голос позади Бриндена, который повернулся, чтобы найти Ахолло, которого он смутно знал как одного из самых выдающихся вольноотпущенников, несмотря на то, что он не присоединился к пионерам, одетый в плохо сидящую кольчужную рубашку и с мечом, наклоненным к его спине. плечо. А рядом с ним был мастер Гордон, все еще в своей мастерской мантии, но с воинственным выражением лица.

Бринден моргнул. — Ты не в компании, — сказал он наконец, уже зная, что аргумент звучит неубедительно. — А ваши люди не приспособлены для такого боя, — он ткнул большим пальцем в сторону битвы. «Они будут убиты».

Ахолло шагнул вперед и схватил Бриндена за лодыжку. — Мы рабы, — сказал он, его акцент стал еще сильнее. «Тогда вы убиваете наших хозяев, освобождаете нас. Теперь мы мужчины. Ахолло серьезно потряс Бриндена за лодыжку. «Мужчины дерутся», — искренне сказал он. «Сражайтесь за кхал, сражайтесь за ненависть, сражайтесь за еду, сражайтесь за подарки. Лучший бой за свободу. Мы поклялись, бороться за свободу». Глаза Ахолло теперь были стальными. — Все поклялись, — сказал он пылающим пылом голосом. «Мы сражаемся, и будем свободны или мертвы, как звезды смотрят вниз в свидетели».

Гордон кивнул. — Мои пионеры тоже хотят войти, — сказал он твердым голосом. — Если вы их не примете, они все равно войдут.

Боги крови и смерти, с изумлением подумал Бринден, И, поняв, понял, что не может отказать вольноотпущенникам в месте в боевом строю. Но мысль о вольноотпущенниках, плохо вооруженных и еще хуже бронированных, сражающихся с настоящими солдатами, заставила его дрожать. Он повернулся к Виктариону, почти желая, чтобы тот возразил.

— Чего ты на меня смотришь? — спросил Виктарион. «Я слышал его. Они хотят заплатить железную цену за свою свободу, я не собираюсь отказывать им. В рядах Железнорождённых раздался одобрительный ропот, и Дагмер Ящерица глубокомысленно кивнул своей седой головой.

Да простят меня боги, подумал Бринден, снова поворачиваясь к Ахолло. «Ты ждешь трубы, — сказал он, — а потом следуешь за нами. Понял?»

Ахолло кивнул. «Мы сражаемся», — сказал он. «Мы убиваем господ и освобождаем рабов». Он

ухмыльнулся, обнажив зубы. — Мы убиваем всех господ, — свирепо сказал он, — и освобождаем всех рабов. Мы молимся об этом». Он отсалютовал своим мечом и побежал обратно к вольноотпущенникам, уже выкрикивая то, что звучало как приказы на нижневалирийском/дотракийском/общем языке, который вольноотпущенники, похоже, приняли как язык. Гордон щелкнул пальцем по лбу в символическом приветствии и умчался прочь, также ревя для своих пионеров.

Бринден устало покачал головой и снова повернулся к Виктариону. — В трубу, — напомнил он и поскакал обратно к своим речным землянам.

Пока пехота сражалась в центре, на флангах шли два отдельных кавалерийских боя. Справа от закатной роты западные рыцари под командованием Джейме Ланнистера повторили свое выступление в битве при Пентосе, сломав Длинные копья. На другом фланге северная лошадь под командованием Эддарда Старка столкнулась с буревестниками. . .

Даарио Нахарис вырвался из схватки, ругаясь в изумлении. Чем, черт возьми, они кормят кавалеристов за Узким морем, спрашивал он себя, размахивая своим аракхом над головой и рыча, призывая любых буревестников сплотиться к нему.

Даарио был кавалеристом вот уже одиннадцать лет, и за все это время он участвовал только в трех массовых кавалерийских боях. Большинство кампаний сводилось к маневрам, в основном сосредоточенным на набегах на территорию другой стороны при защите своей собственной; сражения были настолько рискованными вещами, что большинство капитанов избегали их, за исключением крайней необходимости. Рота получала одинаковое жалованье независимо от того, потеряла она половину своих людей или вообще никого, и наемники ценили капитана, который не проливал свою кровь. В конце концов, мертвецы не получали удовольствия от своей зарплаты.

Роль кавалерии в таких операциях сводилась в основном к разведке на маневрах и боевым действиям на флангах армий в редких боях. Эти конфликты, конечно, могли стать кровавыми, а ртутная война между авангардом двух армий могла стать ужасной, особенно между ненавидящими друг друга компаниями, но потребность в массированных боях возникала редко. Из трех таких сражений, в которых участвовал Даарио, только одно возникло по замыслу во время особенно неприятной пограничной войны между Волантисом и Норвосом; два других произошли случайно, когда «Буревестники», маневрируя всем корпусом, наткнулись на другую роту, и никто не успел отменить дело до того, как пролилась первая кровь.

Однако, по-видимому, этим андальским всадникам никто не объяснил правила. Вместо того, чтобы метаться туда-сюда и обмениваться вылазками небольшими отрядами с «Грозовыми воронами», они все покатались вперед сплошной массой, колено к бронированному колену, явно обессиленные при столкновении с ротой на полной скорости. Слава богам, что Саллор и Прендал увидели, что единственное, что можно сделать, это встретить атаку с одним из своих; Даарио не хотел думать, каково было бы принять эту атаку на месте. Рукопашная, последовавшая за ударом, была ужаснее всего, что Даарио помнил; воюющие андалы, выходящие из пыли, размахивающие мечами, топорами или булавами с шипами, и ничего не остается, кроме как блокировать, рубить и ехать дальше, отчаянно пытаясь видеть в десяти направлениях одновременно, в то время как крики людей и лошадей наполняют воздух.

Даарио знал себя храбрым человеком; там, где другие мужчины дрожали от перспективы драки, он чувствовал себя в приподнятом настроении. Но мысль о том, чтобы снова нырнуть в бурлящую, рычащую потасовку, пугала его.

Безжалостно он изгнал страх из своего разума. Компания была в этом беспорядке. И первый закон наемника заключался в том, что вы не убегаете от своей компании. Даарио ободряюще взвыл горстке буревестников, которые сплотились на его стороне, отбросил его шпоры и бросился в водоворот.

Северная кавалерия в конце концов разбила «Грозовые вороны», но остатки отступили в полном порядке под командованием Даарио Нахариса, который после гибели своих сокапитанов Саллора Лысого и Прендала на Гезна стал старшим выжившим офицером «Грозовых ворон». Несмотря на свою победу, Эддard столкнулся с некоторыми трудностями при реформировании своих всадников, так как нужно было нести потери и реформировать эскадроны.

В центре бой только усиливался. . .

С тех пор люди, сражавшиеся в центре битвы при Таре, будут помнить его из-за его шума. Грохот металла о металл, стук лошадиных копыт, крики и трубные призывы, пытающиеся пробиться сквозь лязг, но больше всего крики. Кричащие люди и визжащие лошади с разорванной плотью и сломанными костями наполняли воздух. Не один ветеран позже утверждал, что они могли сказать, как человек был ранен, по тому, как он кричал, но такие различия терялись в какофонии боя.

Именно в этот водоворот шума Рейегар Таргариен направил свои резервы, своих сторонников справа от него и лошадь Отряда Кота слева от него. Эффект был сродни тому, как вышибалы ввязываются в потасовку в таверне. Медленно, мало-помалу рота «Сансет» была оттеснена тяжестью металла и плоти, которые врезались в драку. Северяне, сплоченные Мейдж Мормонт и высоким Великим Джоном, сомкнули ряды и отказались сдвинуться с места, а жители Запада на другом фланге сомкнули щиты и твердо стояли под предводительством Тайгетта Ланнистера, но в центре стояли валеменцы, штормовцы и Ричмены медленно сдавались. Сир Клиффорд Суонн умер там, когда сир Аллисер Торн пронзил мечом забрало и лицо марширующего рыцаря в его мозг. Рейегар Таргариен, который, несмотря на все свои недостатки, не был трусом, убил сира Бэзила Грейвса нисходящим ударом, который сбил Ричера на колени и под копытами его коня, где он был затоптан насмерть. Кровобородый из отряда Кота убил пятерых лучших рыцарей Долины подряд, продвигаясь вперед, громко смеясь от радости битвы. Прорыв казался неизбежным.

В этот момент труба прокричала атаку, и в бой вступили резервы роты «Сансет». Справа продвигались Железнорождённые, распевая боевую песню на языке, который был древним ещё до того, как первый андал ступил на Вестерос, когда Виктарион Грейджой подбросил свой топор в воздух, чтобы вращаться один за другим в пятне дерева и стали, прежде чем вырвать его. из воздуха. Слева сир Бринден Талли возглавил речных жителей в пешей атаке, которая повлекла за собой северян и превратила мирийцев справа от относительно упорядоченного строя в сражающуюся массу. А в центре с тигриным ревом «Свободен или мертв!» вольноотпущенники бросились в бой.

Вольноотпущенники были облачены лишь в легкие доспехи, состоявшие из оборванных кольчуг и панцирей, а их оружие варьировалось от копий и щитов, взятых у мертвых, до голых рук. Они были плохо обучены, и даже пионеры, самые подготовленные из них, не были в строю. Но на двоих у них было более десяти тысяч лет скрытых пренебрежений, унижений и обид, за которые они должны были отомстить, и первобытная ненависть раба к рабовладельцу поглотила их. Поэтому, когда вольноотпущенники ворвались в центр, они ударили с силой кавалерийской атаки и остановили продвижение армии Рейегара как вкопанный. Сира Джайлса Росби стащил с лошади пионер с киркой, а остальная часть его отряда спешивателей

избила его до полусмерти. Вольноотпущенник, цепляющийся за его руку с мечом, расстрелял сира Джареми Риккера, который швырнул человека на землю и пронзил ему живот за то время, которое потребовалось бы ему, чтобы увернуться от огромного молота Роберта Баратеона. Оставшиеся мирийские копейщики отчаянно сражались и построили низкую насыпь из мертвых вольноотпущенников перед своей стеной из щитов, но волна вольноотпущенников затопила их.

Теперь всякое подобие стройных линий и сомкнутых рядов было сметено, и бойцы обеих армий смешались. Сир Аллисер Торн быстро сразил трех копейщиков из Риверленда, а затем упал сам, когда булава Дейси Мормонта разрушила заднюю часть его шлема. Стихи из «Семиконечной звезды», выгравированные на нагруднике сира Гансера Сангласса, не смогли защитить его от массивного клинка Великого Джона, и благочестивый владыка залива Свитпорт пал от ревущего двуручного меча северянина. Лин Корбрей и Бладберд дважды были сметены вместе и разнесены потоками борющихся людей и лошадей, прежде чем третья схватка закончилась тем, что кинжал Лин вонзился в прорезь забрала капитана наемника. Сир Тигетт Ланнистер стоял над телом Аколло, который был оглушен древком копья по голове и умер, когда топор Кошки пронзил его горжет. Сир Элис Вестерлинг был избит и избит до красных руин отрядом Котов с кувалдами.

Но самое важное сражение произошло, когда Роберт Баратеон, вознося свою боевую ярость к небесам, встретился в ближнем бою с Рейгаром Таргариеном, в то время как его слуги занимали Королевскую гвардию. Певцы рассказывают, что первый удар Великого Оленя убил лошадь Принца Изгнанника, так что Рейегар упал на землю. Они также говорят, что Роберт и Рейегар стояли лицом к лицу почти полчаса, обмениваясь ударами, но это ложь. На самом деле легендарная дуэль длилась несколько ударов сердца. Рейегар сделал выпад, целясь в швы на груди Роберта, но был остановлен нарастающим парированием, отчего острие его меча царапнуло нагрудник Роберта. Роберт, держа молот двумя руками, вонзил острие своего молота в забрало Рейгара, чтобы заставить его отступить, а затем ударил Рейгара по голове. Рейегар поднял меч и нырнул, но недостаточно сильно и недостаточно далеко, и удар молота задел его поверх шлема, отбросив на пол.

Рейегар, несомненно, погиб бы там, потому что Роберт уже тогда поднимал свой молот, чтобы прикончить его, если бы не доблесть его королевских гвардейцев, которые оторвались от людей Роберта. Сир Освелл Уэнт спрыгнул с коня и повалил Роберта на землю, полностью отвлек его, пока сир Артур Дейн втаскивал бессознательное тело своего короля на свою лошадь. Спустя несколько мгновений сир Освелл умер, когда Роберт раздавил его шлем своим молотом, но он выиграл время, необходимое сиру Артуру Дейну, чтобы подать сигнал к отступлению. Долгие тренировки сослужили изгнанникам хорошую службу, когда они вырвались из рукопашной схватки и перегруппировались вокруг Меча Утра, который начал выводить их из боя, оставив наемников и миришей на произвол судьбы.

После того, как те сторонники Таргариенов, которые смогли выбраться из рукопашной, сделали это, сир Артур Дейн немедленно приказал полностью отступить к Миру. К этому времени Эддард Старк и Джейме Ланнистер сумели перегруппировать своих всадников после того, как разгромили Буревестников и Длинных Копий, и быстро пустились в погоню.

Последовавшая за этим непрерывная битва в конечном итоге вошла в агиографии как Sunset Company, так и Exile Prince. . .

«Реформа! Реформа!» Эддард запел, когда западные рыцари и северные воины кружились вокруг него. Последняя контратака, которую сир Артур Дейн вел против них, нарушила их сплоченность, и ему и сиру Джейме пришлось потратить драгоценные минуты, чтобы сплотить

их обратно в ряды.

Рейегар убежал, будь он проклят богами! Эддард и Хайме преследовали изгнанников уже по крайней мере четыре мили, хватая их за пятки, как волки за лосем, но Меч Утра был так же мудр, как и отважен, и он не только удерживал колонну вместе, но он неуклонно оттягивал его от погони. Эддард зарычал, рыча на свою кавалерию, чтобы привести себя в порядок. Человек, чье безумие убило его отца, убило его сестру, покалечило его брата и изгнало его с Севера, был так близко, что Эддард почти чувствовал горло убийцы под своими пальцами, но миль за милей он ускользал из рук Эддарда.

Наконец северные всадники переформировали свои ряды: Арнольф Карстарк размахивал топором во главе своего крыла, а сир Вендель Мандерли размахивал мечом во главе четырех оставшихся рыцарей. Изгнанники умирали, но они прокладывали себе дорогу в Семь Адов трупами добрых людей.

Быстрый взгляд на жителей Запада показал, что Хайме собрал своих рыцарей в строй и жестом показал готовность к атаке; Эддард поднял свой меч и опустил его к колонне, защищавшей человека, которого он ненавидел больше всего на свете. "Продвигать!!!" — взревел он, и рыцари Запада и всадники Севера пустили неуклюжую рысь своих и без того взбесившихся лошадей. Эддард знал, что убивает лошадей доброй трети кавалерии роты, но нужно было приложить усилия. Еще одна, жестоко подумал он, еще одна атака, и они у нас. Они не могут продолжать это вечно. Пожалуйста, боги моих отцов.

Когда кавалерия приблизилась к изгнанникам на расстояние ста пятидесяти ярдов, трубач затрубил в свой инструмент, и редкая шеренга пехоты расступилась, уступив место колонне рыцарей во главе с фигурой, чей белый плащ и доспехи были обильно забрызганы кровью. . Губа Эддарда скривилась, обнажая зубы за забралом. Он восхищался сиром Артуром Дейном; какой молодой человек в его возрасте не имел? Но этот человек помог Рейегару Таргариену похитить и изнасиловать его сестру, поэтому ему пришлось умереть. Более того, продолжение службы у безумца опозорило его рыцарское звание и обесчестило его дом; по крайней мере, так Эддард слышал, как говорили немногие присоединившиеся к ним рыцари Ричера, и предположил, что они знали, о чем говорили. Для него сам факт того, что Дейн служил Таргариенам, был достаточным поводом для смертельной вражды.

Рыцари-изгнанники выстроились из колонны в шеренгу и побежали вперед; у них не осталось копий, но каждый из них держал в кулаке меч, топор, булаву или боевой молот, откинутый назад и упирающийся в наплечник. Эддард зарычал про себя, встал на стремянах и поднял меч. "ОБВИНЕНИЕ!" — проревел он, наклоняясь вперед и пуская лошадь в галоп. «ЛИАННА!»

«ЛИАННА!» северные всадники выли в ответ, пришпоривая своих лошадей вперед в крутящуюся атаку, не обращая внимания на тот факт, что их лошади выдыхались с пеной. Рядом с ними атаковали и жители Запада, так что мир наполнился грохотом копыт, а затем столкнулись два отряда кавалерии.

И пока рыцари-изгнанники и его северяне терзали друг друга, Эддард Старк из первых рук узнал, почему сир Артур Дейн стал легендой.

Первый удар Меча Утра сотряс щит Эддарда и вонзил его ему в плечо. Вторая, вытекающая из первой, как змея, извивающаяся в траве, соскользнула с верхней части таза Эддарда с такой силой, что у него зазвенело в ушах. Эддарду удалось нанести удар своим боевым мечом с широким лезвием, но собственный боевой меч Дейна (Рассвет, слишком длинный и тяжелый, чтобы держать его одной рукой, был привязан к его спине) отбил его в сторону и нанес

ответный удар, который он выпущенный в забрало Эддарда, пробил кромку из мягкого железа щита Эддарда и вонзился в дерево под ним. С силой, которая была еще более ужасающей из-за такой небрежности, Меч Утра выдернул клинок и нанес порез, который расколол щит Эддарда и чуть не сломал руку через наручи. Эддард нанес отчаянный удар по лицевой прорези в барбютном шлеме Дейна, но комбинация уклонения и перекрестного парирования выбила меч Эддарда из строя, а ответный удар помял таз Эддарда и наполовину выбил его из седла. Вся серия ударов заняла не более сорока пяти секунд.

Эддард бы умер там, если бы Дейн не был полностью отвлечен тем, что Джейме Ланнистер врезался своей лошастью в лошадь Дейна и ударил его по лицу.

Сиру Артуру удалось отразить выпад и вернуть контроль над лошастью, но Молодой Лев сильно давил на него в течение долгих секунд, достаточных для того, чтобы Эддард снова сел и стряхнул несколько звезд из глаз. К тому времени, когда сиру Артуру удалось прервать поток ударов Джейме, Эддард уже был с другой стороны и колотил его.

Любой человек, кроме Артура Дейна, погиб бы там, окруженный с двух сторон опытными врагами, но Артур Дейн заслужил свой титул и свой белый плащ не одним своим именем. Он хладнокровно парировал шквал мечей, пока не увидел брешь. Быстрый, как язык лягушки, поймавший муху, его меч лизнул и вскрыл шею лошади Хайме, которая рухнула и умерла. Не останавливаясь ни на мгновение, зная, что его удар попал в цель, Дейн повернулся в седле и нанес удар Эддарду в забрало, не обращая внимания на то, что меч Эддарда опустился на его левое запястье.

Острие боевого меча Дейна, выкованное именно для этой цели, узкое и острое, как кинжал, прорвало одну из щелей для дыхания в нижней части забрала Эддарда и проделало борозду на его щеке, даже когда боевой меч Эддарда (как и большинство северного оружия на поколение или два отставали от своих южных собратьев и были шире в лезвии и с менее острым острием) ударил Дейна по левому запястью и сломал его сквозь перчатку. В следующее мгновение, когда Эддард пошатнулся от боли и шока, а Дейн вырвал свой меч из забрала Эддарда, Джейме перекинул через его дохлую лошадь, наполовину вытащив клинок, и вонзил острие меча в листовую кольчужную юбку, защищавшую голову Дейна. бедро. Неистовый удар вниз и вправо оставил длинную вмятину в шлеме Ланнистера и повалил его на колени, но Дейн знал, что пора уходить. Он сделал для своего короля все, что мог; он просто должен был надеяться, что этого было достаточно. "Отступить!" — хрипло закричал он, размахивая мечом по кругу над головой. "Отступить!"

Эддард дернул забралом вверх, брызнув кровью с разорванной щеки. Он видел, как Артур Дейн повернулся спиной и прищипорил свою лошадь, но безрезультатно. С отчаянным ржанием его лошадь пошла ко дну, и только рефлексy всадника вырвали Эддарда из седла и спасли его от перелома ноги. Когда Эддард поднялся и огляделся, то, что он увидел, заставило его проклясть богов. Западные рыцари и северная кавалерия были не в лучшем состоянии, чем он и Хайме; из того, что он мог видеть, едва ли две трети людей, с которыми они начали погоню, все еще были верхом и были готовы к бою, и все они выглядели такими же разбитыми, как и их лошади. Глядя на него, сир Вендел Мандерли перегнулся через шею своей лошади и сполз на землю в полном изнеможении.

А по полю ссыльные убегали! Рейегар убегал! Эддард потряс мечом и почти бессвязно бушевал, но знал, что больше ничего не может сделать. В последнем приступе ярости он вонзил меч в землю и, нахмурившись, объявил погоню прекращенной. Ему удалось развернуться и пройти около десяти футов, прежде чем боевая ярость покинула его, и его ноги подогнулись под ним, и он оказался лицом вниз в перевернутой земле.

Битва при Таре — интересный случай. Тактически и оперативно, это была сокрушительная победа, уничтожившая главную полевую армию Мира и выведшая из строя ее лучшего командира в обозримом будущем. Стратегически, однако, почести были более равными. Рейегар Таргариен, возможно, был ранен, но он все еще был жив, таким образом удерживая победу так же далеко от досягаемости роты заката после битвы, как это было раньше. Кроме того, компания «Сансет» понесла значительные потери. Леобальд Таллхарт, сир Клиффорд Суонн, сир Тигетт Ланнистер, сир Элис Вестерлинг и множество других рыцарей и младших лордов были убиты в битве, в то время как непрерывная битва преследования унесла жизни Итана Гловера, сира Марка Рисвелла, сира Руперта. Бракс, и вполне четверть западных рыцарей и северных кавалеристов, а также много их лошадей. Помимо аристократов, было убито почти пятьсот вестеросских пехотинцев, а также примерно в три раза больше вольноотпущенников. Число раненых, впоследствии умерших от ран, вероятно, сравнимо с числом погибших в пылу боя.

Но если потери роты «Сансет» были значительными, то потери изгнанников были опустошительны. Осуэлл Уэнт, Аллисер Торн, Джареми Риккер, Лотор Брюн, Адриан Селтигар, Гансер Санглас и Джайлс Росби были убиты в битве или погоне, а также каждый третий рыцарь и лорд среди изгнанников и многие из их пехотинцы. Некоторые из этих людей не были убиты во время боя, а просто отстали при отступлении. Поскольку они не могли заплатить выкуп, даже если бы компания «Сансет» была готова взять их в плен, они были убиты на месте. За одну кампанию репутация Рейегара Таргариена в Мире была сильно подорвана, а его армия почти подорвана, в то время как репутация компании «Закат» взлетела до новых высот.

Последствия возникли вскоре после этого. . .

- В погоне за драконами: компания «Закат», пересмотренная мейстером Хендрикусом, опубликована в 1539 году З.Э.

<http://tl.rulate.ru/book/82264/2576861>